

Кричевец А.Н. Пассивность в деятельности. За пределы оксюморона

English version: [Krichevets A.N. Passivity in activity. Beyond the oxymoron](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обосновывается необходимость разработки понятия пассивности в контексте психологических исследований отношений «Я – Другой». Проведен анализ общетеоретического подхода теории деятельности к исследованию этого отношения, проблематизировано понятие интерпсихического как первичного состояния психических функций. Показано, что в философских работах Ж.-П.Сартра и Э.Левинаса разрывается самоидентичность субъекта и открывается возможность и необходимость рассматривать в диалектической связи пассивность и активность субъекта в отношении с Другим. В статье проанализированы современные исследования роли совместного внимания в раннем онтогенезе. В этих работах вводится (но не доводится до состояния научного понятия) понятие быть движимым (to be moved) применительно к состоянию развивающегося ребенка в контексте его отношения со взрослым. Предложен набросок уровневого описания взаимодействия пассивности и активности в деятельности.

Ключевые слова: культурно-деятельностный подход, интерпсихическое, совместное внимание, пассивность, онтогенез, субъектность, Другой

Речь в статье пойдет о некотором особом наклонении деятельности, в котором пассивность переплетается с активностью. Такие модусы деятельности не попадали в поле внимания теоретиков, хотя деятельность общения по преимуществу осуществляется в этом модусе. Нас будет интересовать пассивность именно в этом контексте – в контексте отношений «Я – Другой», – пассивность, связанная с более или менее активным и сознательным воздействием другого человека на мое состояние. Таким образом, не пассивное подчинение человека законам природы или диктату внешних сил мы будем здесь обсуждать, а ситуации человека, в которых без Другого ему не обойтись. На пассивность здесь требуется посмотреть «изнутри», со стороны того, на кого воздействуют, что будет звучать непривычно для культуры Нового времени, наследниками которой мы являемся – культуры активизма и самодетерминации.

Я попытаюсь сопоставить проблемы и результаты трех областей на стыке философии и психологии:

- 1) отечественный культурно-деятельностный подход в психологии;
- 2) современное состояние экзистенциально-феноменологической философии, в котором проблема другого сознания вызывает значительный интерес;
- 3) современные исследования раннего онтогенеза, в которых частично реализуются базовые идеи культурно-исторического подхода (прежде всего некоторые идеи Выготского).

В этой статье я ставлю задачу показать необходимость разработки связанных с понятием пассивности понятийных структур для описания и понимания важных и всегда остававшихся в центре внимания психологии предметов: развития ребенка и его взаимодействия со взрослым человеком.

Непосредственное и опосредованное в теории деятельности

В первой части я, возможно, буду «ломиться в открытую дверь» – показывать, что пассивность в указанном выше смысле не является теоретическим понятием в деятельностном подходе. Например, в книге «Деятельность. Сознание. Личность» А.Н.Леонтьев употребляет это слово только несколько раз, противопоставляя теории, трактующие восприятие как пассивное отражение, концепции восприятия деятельного [Леонтьев, 1975]. Как я уже указывал, этот аспект и это противопоставление нас интересовать не будут – запрос на понятие пассивности является из другой важной для психологии области.

А.Н.Леонтьев пишет: «Орудие опосредствует деятельность, связывающую человека не только с миром вещей, но и с другими людьми. Благодаря этому его деятельность впитывает в себя опыт человечества. Отсюда и проистекает, что психические процессы человека (его «высшие психологические функции») приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними. Но передать средство, способ выполнения того или иного процесса невозможно иначе, как во внешней форме – в форме действия или в форме внешней речи» [Леонтьев, 1975, с. 97].

В этом небольшом отрывке содержится важное для нас противоречие: первое предложение утверждает, что коммуникация между людьми не непосредственна, а производится с помощью орудий. Третье говорит о том, что орудие еще надо передать тому, кто с его помощью усвоит соответствующее значение. Значит ли это, что действие (с орудием) передается непосредственно? И что внешняя речь (хотя бы при освоении языка) понимается непосредственно? [1] Далее Леонтьев пишет о том, что «высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, то есть как интерпсихологические, а лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы интрапсихологические», то есть повторяет известный тезис Л.С.Выготского [Выготский, 1983, т. 3, с. 145]. Однако что такое интерпсихологические процессы (или функции), остается неясным.

Более последовательный Э.В.Ильенков, параллельно с А.Н.Леонтьевым разрабатывавший деятельностный подход, утверждал, что человек обладает универсальной способностью действовать по форме вещей: «Собственная, специфическая форма действия мыслящего тела заключается в универсальности... человек – мыслящее тело – строит свое движение по форме любого другого тела» [Ильенков, 1984, с. 38]. Ильенков пытался выстроить картину, соответствующую его версии диалектического материализма, но интерпсихическому [2] в ней не осталось места. По Ильенкову, система идеальных значений закрепляется на предметах культуры, а деятельный субъект эти значения «считывает» (имея абстрактную универсальную способность к такой «считывающей» деятельности). Однако «универсальная способность» в качестве основания *научного объяснения* – слишком сильная гипотеза, и современники Ильенкова относились к этому его тезису достаточно жестко.

В 80-е годы прошлого века предпринимались попытки уточнения понятия *интерпсихическое*. Одна из них – статья Г.А.Ковалева и Л.А.Радзиховского [Ковалев, Радзиховский, 1985]. Они утверждают: «В раннем онтогенезе психическая функция существует в межсубъектном пространстве, а затем, сохраняя принципиальную межсубъективность своего строения (т.е. сохраняя «функцию общения»), «вращивается» в психику ребенка, интериоризируется, задавая базовую структуру человеческого сознания». Но далее авторы предупреждают, что развитие их идеи не дастся даром: «оно противоречит традиции и для своего подкрепления требует разработки нового метода, новой методологии психологического анализа, такой, чтобы можно было наполнить реальным психологическим содержанием события, происходящие в межсубъектном пространстве». Чья может быть эта межсубъектная функция? – спрашивают они.

Авторы предполагают, что решить проблему можно, развивая понятие общения в диалогическом ключе: «Это должен быть всеобщий анализ, т.е. анализ, охватывающий не только те случаи, где диалогизм «лежит на поверхности» (раздвоение сознания; специфические внутренние диалоги описанные Ф.М.Достоевским и детально проанализированные М.М.Бахтиным), но всю совокупность психических явлений, если мы исходим из того, что диалогизм «встроен» в базовые структуры сознания. Но такой анализ имеет смысл лишь в том случае, если он не является простой натяжкой, спекуляцией, подводящей все под единое основание и игнорирующей при этом очевидные различия

между самыми разными феноменами, которые вдруг все оказываются равно «диалогическими». Для этого необходимо описать реальную типологию всех – явных и скрытых – форм внутреннего диалога; выделить и детально описать их единое структурно-генетическое основание и вместе с тем показать различие между этими формами и объяснить происхождение этих различий; в каждом случае показать, что нового дает анализ соответствующего феномена как диалогического по структуре» [Ковалев, Радзиховский, 1985, с. 120].

По разным причинам авторам замечательной статьи не удалось развить свой подход. Мне кажется, однако, что акцент на внутреннем диалоге закрывает как раз то направление развития мысли цитированных авторов, которое я собираюсь предложить в качестве направления решения проблемы – начинать следует с внешнего «диалога» в самой его простой форме, а затем увидеть эту структуру как аспект любого более развитого диалога.

Проблема Другого в европейской философии

Проблема Другого в европейской философии стала одной из центральных только в XX веке. В качестве опор для обсуждения проблемы выступают прежде всего попытки решения, предпринятые Э.Гуссерлем (2000) и М.Хайдеггером (1997). Несмотря на то что в целом идеи этих выдающихся философов произвели революцию в философии, разработка интересующего нас вопроса не оказалась впечатляющей в их работах [Schmid, 2009]. Можно сказать, что она лишь продемонстрировала невозможность решения проблемы без дальнейших революционных шагов. Суть взглядов Гуссерля, которые он изложил в пятом «Картезианском размышлении», состоит в попытке рассматривать понимание Другого производным от акта пополнения восприятия его тела некой предполагаемой субъективностью по аналогии с собственной субъективностью.

У Хайдеггера Другие (обозначенные термином *das man*) – это окружающие в рамках «усредненной повседневности», которые составляют основное препятствие в движении *Dasein* к его аутентичности.

Первая трактовка представляется слишком узкой в теоретическом смысле, вторая – не вполне приемлемой с точки зрения этики – эта этическая «неточность» закрывает возможность увидеть какие-то продуктивные формы в отношениях с Другим. Я ограничусь здесь возражениями и предложениями, исходящими от философов столь различных, насколько это только возможно: от Ж.-П.Сартра и Э.Левинаса.

Сартр: отношение бытия к бытию

Ж.-П.Сартр, который назвал нашу проблему «скандалом множества сознаний», считал, что главный промах Гуссерля состоит в том, что отношения с Другим он рассматривает как познавательные, в то время как они являются отношениями «бытия с бытием». В параграфах книги «Бытие и ничто», посвященных воздействию взгляда, он задает некоторую минимальную форму такого бытийного воздействия, которую, на мой взгляд, можно рассматривать как один из элементов диалогических отношений. В отличие от А.Н.Леонтьева Сартр утверждает, что Другой, который просто на меня смотрит, меняет мое состояние *непосредственно*. Чуть более подробно о его шокирующем примере.

Сартр предлагает нам представить себя (он говорит: предположим, я...) крадущимся по коридору в припадке ревности и одержимым желанием подсмотреть в замочную скважину некоторые проясняющие ситуацию подробности. Мы поглощены нашей задачей, когда вдруг обнаруживаем устремленный на нас взгляд. Это событие радикально меняет ситуацию [3]. Стыд, который нас настигает, показывает, что в самой нашей субъективности имеется аспект, связанный с Другим особым образом: «Стыд есть открытие другого не по способу, которым сознание открывает объект, но по способу, которым один момент сознания предполагает сбоку другой момент как свою мотивацию» [Сартр, 2000, с. 295]. Другой есть момент *моего* сознания, *не принадлежащий мне* (по крайней мере целиком): «Быть увиденным конституирует меня как бытие без защиты перед свободой, которая не является моей свободой» [Сартр, 2000, с. 290]. За этой не моей свободой кроется возможность оценки (в пределе – Божественной оценки на последнем суде) и опасность, и другие возможности – в тексте Сартра это только возможности внутренних и внешних *конфликтов*. Однако даже сартровский скандальный пример может быть модифицирован и открывает тогда возможности иные.

Представим, что в тех же предположениях я иду по коридору с пистолетом и вдруг замечаю подбадривающий взгляд значимого для меня другого человека (в некоторых культурах с радикальными представлениями о чести эта ситуация выглядит возможной). Изменения моего состояния легко себе представить. Примеры легко умножаются. Самых разных ситуаций, в которых возможен и действителен подбадривающий, вынуждающий и т.д. взгляд, меняющий состояние того, на кого он устремлен, можно предложить великое множество. Можно добавить к ним ситуации, связанные с голосом и прикосновением. Во всех случаях Другой пребывает и вне меня, и как непосредственный источник моих состояний «внутри» моего сознания.

Подобные примеры с нулевой передачей информации в акте общения [4] я и предлагаю считать минимальной и крайней формой коммуникации, демонстрирующей, что интенция Другого *непосредственно* меняет мое состояние – в отличие от представленного в вышеприведенной цитате А.Н.Леонтьева утверждения о принципиальной опосредованности акта общения. В таком непосредственном воздействии одна сторона активна, а другая – испытывает воздействие, переживая новое состояние и в большей или меньшей степени переживая и осознавая саму перемену состояния. Этот род пассивности и интересует нас.

Я исхожу из предположения, что такого рода пассивность входит как составляющая и в общение, включающее информационные обмены. Добавлю, что само восприятие информации зависит у взрослого человека от системы установок, которую он занимает по отношению к автору и источнику информации, и, таким образом, – от степени и качества пассивности, которую он себе *позволяет* или *неконтролируемо имеет*.

Левинас: вызов самотождественному

Работы Э.Левинаса подводят нас к той же проблеме со стороны этической. Весьма резко он противопоставляет себя всей новоевропейской философской (и шире, культурной) традиции. Левинас указывает, что *самотождественность* и *самодостаточность* познающего и действующего субъекта суть основополагающие ориентиры западного философствования. Даже в процессе познания и (само)развития субъект призван обходиться своими силами: «Приоритет Самотождественного был завещан нам Сократом. Я не в состоянии взять что-либо у Другого, если этого уже не было у меня, как если бы “я” извечно обладал тем, что приходит ко мне извне. Быть свободным – значит ничего не получать. Свобода не походит на капризную спонтанность свободного волеизъявления. Ее высший смысл заключается в свойственном Самотождественному постоянстве, которое есть Разум. Познание – это развертывание данной идентичности. Познание и есть свобода. То, что в конечном итоге разум – это проявление свободы, нейтрализующей другое и включающей его в себя, не должно никого удивлять, поскольку, как уже говорилось, суверенный разум познает только самого себя и ничто другое его не ограничивает. Нейтрализация Другого, становящегося темой, объектом, иными словами, являющего себя во всей ясности, – это именно сведение его к Самотождественному» [Левинас, 2000, с. 82]. Можно вспомнить кантовскую характеристику Просвещения («совершеннолетняя» способность жить своим разумом); и даже платоновская концепция знания как припоминания предполагает наличие *определенного* «незнаемого знания», которое Самотождественному уже присуще и которое надлежит только актуализировать.

(Отмечу: нет недостатка в описаниях майевтических стратегий, позволяющих пробудить этот процесс «припоминания» в ученике, однако мне не приходилось встречаться с описаниями того же самого процесса *со стороны ученика*. Тем более нет таковых, в которых был бы с точки зрения учащегося (например, того самого мальчика-раба из платоновского «Менона», которого Сократ наводит на математическую теорему) описан этот процесс с ясной экспликацией роли майевта. То есть в ситуации несимметричного диалога западная культура не может органичным образом стать на сторону, в некотором роде причастную пассивности.)

Левинас противопоставляет «нарциссизму самотождественного» адресованный мне призыв Другого. Левинас пишет о том, что Другой может не бороться со мной, не меряться силами, «Но он может также – и здесь он открывает мне свое лицо – безмерно противостоять мне, полностью открывая свои совершенно незащищенные, невооруженные глаза, – прямоотой, абсолютной искренностью своего

взгляда. Проявляющее себя во всех авантюрах, замкнутых на Себе, солипсистское беспокойство сознания на этом заканчивается: подлинная экстериторность заключена в таком взгляде, запрещающем мне побеждать» [Левинас, 2000, с. 298]. Далее Левинас характеризует несимметричность ситуации: «Нужно, чтобы Другой был ближе к Богу, чем Я» [Левинас, 2000, с. 299].

Левинас ограничивает предмет своего изучения этической плоскостью. К сожалению, очевидное распространение его позиции на другие несимметричные диалогические ситуации до сих пор не проводится. По моему же мнению, даже вполне симметричный диалог (мечта политкорректной культуры нашего века) действителен только в той степени, в какой он в нашем смысле несимметричен, как это ни парадоксально звучит, со стороны каждого своего участника. Далее мы переходим к анализу философско-психологических исследований, где несимметричность диалога предельно очевидна – ситуаций раннего онтогенеза, в которых левинасовское «ближе к Богу» заменяется на «более сведущ и умел».

Интерпсихическое в исследованиях раннего онтогенеза

В психологических исследованиях раннего онтогенеза я выделяю в качестве центрального предмета, вокруг которого будут вестись дальнейшие рассуждения, совместное, или разделенное, внимание. Это русские переводы двух вариантов английского термина “joint attention” и “shared attention”, которые, на мой взгляд, можно считать синонимичными. Модельной ситуацией совместного внимания служит разглядывание одного предмета двумя людьми. Н.Эйлан предлагает такое определение:

- а) имеется объект, которому внимают (is attending to) оба субъекта, что подразумевает (1) каузальную связь между объектом и каждым субъектом и (2) осознание восприятия каждым субъектом;
- б) имеется каузальная связь между актами внимания этих субъектов к данному объекту.
- в) субъекты понимают значение концепта «внимание»;
- г) каждый субъект сознает (is aware) в каком-то смысле, что данный объект представлен обоим субъектам. В некотором отношении это «встреча сознаний» (minds) двух субъектов, так что тот факт, что оба внимают одному объекту, открыт или совместно манифестируется [Eilan, 2005, p. 23][5].

Возможно, слова «причинная связь» следует здесь употреблять с большей осторожностью, и все же Эйлан справедливо указывает на то, что одновременное внимание не обязательно будет совместным.

Совместное внимание, вообще говоря, предшествует действию с общим предметом (триадическому взаимодействию), поскольку действие без внимания к его предмету со стороны действующего не имеет смысла рассматривать как таковое. Это значит, что стартовая точка деятельностной теории онтогенеза находится именно здесь: в совместном действии, сопровождающемся совместным вниманием. С точки зрения исследований, к которым мы здесь обращаемся, триадические взаимодействия – довольно поздняя структура, которой *предшествуют важные события*.

Во-первых, в самом раннем возрасте у ребенка обнаруживаются реакции, которые могут иметь важное значение для последующего развития отношений со взрослым: это подражания мимике и движениям взрослого. Например, как обнаружил Meltzoff, ребенок первых недель жизни отвечает на улыбку взрослого сокращением мимических мышц, соответствующим улыбке. Ребенок также в некоторых случаях повторяет движения пальцев и т.п. Как утверждает Е.А.Сергиенко, эти результаты многократно повторены другими исследователями [Сергиенко, 2005, сс. 167, 179].

Во-вторых, многократно описаны (но и хорошо известны всякому родителю вне научных описаний) непосредственные взаимодействия ребенка со взрослым примерно с середины первого года его жизни, когда происходит настройка эмоциональных обменов с помощью взгляда глаза в глаза, мимики и вокализаций. «Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это арсенал невербальной коммуникации, на которой строятся интересующие циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рождения» [Сергиенко, 2012]. Что это за непосредственная интересующая и какова ее связь с автоматическими реакциями новорожденного? Повторяя вопрос, заданный в статье Ковалева и Радзиховского – Чья она? Кто в ней активен и деятелен?

В цитированной работе Е.А.Сергиенко высказана гипотеза об уровне строения субъектности, которая, на мой взгляд, существенно проясняет ситуацию [6]. Я намереваюсь только провести анализ

некоторого фрагмента этой уровневой структуры в терминах активности-пассивности. Е.А.Сергиенко описывает ранний генез субъектности как движение сначала по двум независимым линиям: «выделение себя из среды» и «установление эквивалентности Я – Другой». Первая линия определяет развитие отношений с миром предметов («Я-экологическое»), вторая связана с эмоциональным взаимодействием («Я-интерперсональное»), а их интеграция «в единую систему и составляет основу перехода на новый уровень “вторичной протосубъектности”» [Там же].

Рассмотрим один из первых феноменов второй линии развития «первичной протосубъективности»^[7] – ситуацию восприятия и отклика на улыбку взрослого. Подобно тому как многие авторы утверждают отсутствие четкой дифференциации «Я – внешний мир» у младенца, можно предположить в самом раннем возрасте отсутствие дистанции между мимическим действием, которое можно считать автоматическим, и чувством, сопровождающим это действие (тем чувством, которое соответствует подобной улыбке в ситуации общения более развитых субъектов). Этот уровень служит базой для «надстройки» способности непосредственно воспринимать эмоциональные состояния другого человека. Английский исследователь Р.П.Хобсон пишет: «Воспринять улыбку как улыбку означает ответить чувствованием – таким образом, что через улыбку воспринимается эмоциональное состояние другого. Другими словами, есть модус чувствующего восприятия, который критичен для установления интересубъективных отношений между людьми, и это вид восприятия, который устанавливает особое качество между индивидом и тем, что им воспринято – в наиболее естественном случае с личностью» [Hobson, 2005, p. 190].

Несколько отходя от терминологии Хобсона, можно было бы назвать непосредственную автоматическую реакцию младенца органом восприятия улыбки. Подобно тому как младенец надстраивает сознательное восприятие над органами чувств, которые у него имеются в наличии, так и «осознание ребенком разделения субъективных ориентаций с кем-то [другим] базируется на рано развивающейся склонности идентифицировать себя с телесно выраженными состояниями других – на специальной форме интерперсонального вовлечения, включающего чувствование» [Hobson, 2005, p. 188]. Слово «идентифицировать» (to identify в оригинале), как мне кажется, излишне сильное в данном контексте, но не потому, что я буду настаивать на сохранении некоторой дистанции между субъектом и автоматическими реакциями его тела, а потому, что субъект сразу возникает и развивается как нераздельность пассивного вовлечения в интересубъективные процессы и активного воздействия на эти процессы. Однако имеет смысл различать в этой целостности нюансы – степени и соотношения активности и пассивности.

«Совместное внимание в развитии проходит три стадии:

1. Ребенок вовлечен в отношения с другим человеком.
2. Ребенок вовлечен в отношение с отношением другого человека с миром – и становится «движимым» (moved).
3. Ребенок переходит на новый уровень осознания своей вовлеченности в отношение с отношением другого человека с миром» [Hobson, 2005, p. 188].

Во втором периоде, возможно, обнаруживается большая асимметрия, чем в первом: поскольку компетентность взрослого в отношении мира вещей превосходит таковую у младенца, то новые способы деятельности вводятся в общую деятельность взрослым, в то время как в первом периоде, возможно, взрослый в большей степени подстраивается под поведение ребенка. Именно в этом смысле Хобсон говорит о том, что ребенок «двигаем».

Дж.Росслер указывает на еще одну важную подробность: по его мнению, во втором периоде индуцированная эмоция переносится на предмет совместного внимания: ребенок уже не прямо перенимает радость или забавность как эмоцию, но находит совместный предмет радостным или забавным [Roessler, 2005, p. 248]. Росслер считает, что и другие аспекты понимания развиваются тем же путем: «Чему дети научаются, когда приобретают способность понимать не разделяя, это новому способу употребления их способности быть движимыми (moved) утверждениями. Воспринятое утверждение р будет по-прежнему порождать мысль р, <...> но дети становятся теперь способны сопротивляться прямой загрузке веры, что р, вставляя префикс «она верит, что» или «она говорит, что» перед этой мыслью» [Roessler, 2005, p. 257] ^[8]. Таким образом, по Росслеру, способность разделять внимание и установки является фундаментом для понимания как психологических состояний, так и речевых утверждений.

Вполне понятен интерес исследователей раннего онтогенеза к отклонениям в развитии. Одной из наиболее острых проблем в этой области является аутизм. Среди исследователей нет согласия по вопросу о самых ранних отклонениях в развитии аутистов, которые определяли бы их дальнейшую судьбу. Одна из гипотез о «первичном нарушении» связывает аутистическое развитие с неспособностью нормальным образом включать внимание к социальным стимулам [Leekam, 2005, p. 221]. Однако я бы отметил, что возможны различные варианты такого рода дефекта: (1) отсутствуют врожденные формы реакций на социальные стимулы, такие как улыбка, мимика и т.д.; (2) в процессе надстраивания над имеющимися нормальными врожденными формами происходит их полное или частичное «отключение», то есть развивающийся субъект не использует их в дальнейшем для понимания эмоциональных состояний другого человека и содержания его коммуникативных действий, то есть – в терминах активности-пассивности – субъект отторгает или подавляет свою способность быть пассивным в коммуникации.

В обоих случаях[9] субъект, *развивающийся по чисто аутистической траектории, как раз и реализует в чистом виде развитие, описываемое теорией деятельности* (по крайней мере в версии Э.В.Ильенкова), – развитие в мире культурных орудий, вне непосредственных отношений с Другим – имеется самодостаточный субъект и предметный мир, конфигурированием которого взрослые только и могут воздействовать на его развитие. Мы, однако, видим, что нормальным[10] субъектом человеческой деятельности так развивающийся человек не становится. Таким образом, для того чтобы понять нормального субъекта, надо разобраться в том, что именно отличает непосредственное действие одного субъекта на другого от опосредованного.

Непосредственное воздействие. Что это такое?

Дать определение тому виду воздействия одного субъекта на другого, которое я называл непосредственным, вероятно, невозможно. Речь идет о некотором целенаправленном изменении состояния второго субъекта первым без передачи информации с помощью знаков или орудий, без физического воздействия или угрозы такового и т.д.

Вместо определения я предложу довольно сложную конструкцию, по меньшей мере ассоциативно связанную с уровневой гипотезой субъектности, изложенной в статье Е.А.Сергиенко [Сергиенко, 2012]. «Я-интерперсональное» на уровне первичной протосубъектности и есть тот «субъект», в котором взрослый может производить непосредственное изменение его состояния, хотя ответ младенца выглядит, скорее, автоматической реакцией, чем действием, то есть субъекта действия в данном случае, собственно говоря, нет. Однако дальнейшее развитие субъектности – это наложение и надстройка над этим уровнем субъектности в собственном смысле, которая ассимилирует, но не исключает такое непосредственное воздействие.

Я полагаю, что теория в данной области должна быть в чем-то похожей на теорию построения движений Н.А.Бернштейна: верхние уровни управления надстраиваются над нижними, используя их особым образом: встраиваясь в их внутренние регуляции. И подобно тому, как новые синергии уровня В у Бернштейна могут возникать при сознательном освоении новых двигательных навыков, так и непосредственные «подкладки» под сознательно управляемыми процессами могут возникать и возникают в процессе развития общения и накопления соответствующего опыта. Относительно яркие проявления непосредственных воздействий для взрослого человека вещь редкая, и, я бы сказал, пограничная[11]. В данной статье я не ставлю цели даже предварительно их охватить и упорядочить. Мне важно их общее свойство: это воздействия на мои состояния со стороны «свободы, которая не является моей». Нормальный субъект в нормальных ситуациях общения (речь, таким образом, идет о человеке «усредненной повседневности по Хайдеггеру) – это сознание, надстроенное над уровнями, подвергающимися непосредственному воздействию других.

Наиболее существенно здесь то, что я как субъект активности владею лишь дистанцией, зазором между воздействием и его результатом во мне. Я могу отказаться и отгородиться от содержания воздействия, но тем самым я его и не получу. Цитированные исследования раннего онтогенеза дают возможность составить ясное представление не только о развитии ребенка, но в соединении с философской рефлексией дают продуктивную перспективу для понимания общения в самом широком контексте. Ребенок «двигаем» в овладении новыми человеческими смыслами и значениями. Без

позволения Другому себя «двигать», то есть без активного вхождения в пассивную позицию по отношению к более «продвинутому» взрослому, развитие ребенка невозможно. Интерпсихическое, о котором писал Выготский, и не может быть ничем иным, как диалектическим соединением активности и пассивности.

Таким образом, активность субъекта раннего онтогенеза необходимым образом содержит и пассивность, субъект и развивается, овладевая своей пассивностью по отношению к взрослому. Но только ли в детстве активно-пассивная структура отношения с Другим допустима и желательна?

Левинас показывает, что Другой необходим для развития взрослого человека. Однако, с моей точки зрения, эта необходимость простирается далеко за сферу этики. Я не считаю, что могу жить строго своим «совершеннолетним» разумом даже в своей профессиональной области – без чтения, например, Хайдеггера, я не смог бы произвести в себе столь радикальное изменение понимания онтологии, и сейчас мне есть чему учиться у других философов и психологов (я настаиваю, что в этих случаях речь идет не о «передаче информации», но о передаче «рамок», в которых только и возможна информация, то есть о ситуациях развития в том же смысле, в котором мы употребляем эти слова в отношении онтогенеза).

Но в таком случае сам призыв Хайдеггера выйти из-под воздействия усредненной повседневности человеческого общежития [12] содержит перформативное противоречие. Это противоречие локализуется уже в кантовском предписании: «Живи своим разумом». Мы можем *последовать* предписанию, то есть в данном акте отказаться от следования своему разуму, и лишь после этого превратиться в субъекта своей жизни.

На самом деле это перформативное [13] (не логическое) противоречие и есть модельный пример субъектности в развитии: важнейшие шаги индуцируются в нашем развитии Другими, которым мы доверяем. Это доверие не есть доверие авторитету (хотя и этот аспект не надо сбрасывать со счетов), а есть доверие к тому пониманию, к результату сознательного и целенаправленного воздействия Другого (разве не является «Бытие и время» целенаправленным воздействием?), которое мы распознаем как призывающее нас к развитию. Хайдеггеровский зов заботы идет не только «от меня и все же сверх меня», но и от Другого.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00590.

Литература

Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1–6.

Гуссерль Э. [Husserl E.] Логические исследования, Картезианские размышления. М.: АСТ, 2000.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Полит. Лит., 1984.

Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А. Общение и проблема интериоризации. Вопросы психологии, 1985, No. 1, 110–120.

Левинас Э. [Levinas E.] Избранное: Тотальность и бесконечное. М.: Университет. книга, 2000.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Моск. гос. университет, 1975.

Сакс О. [Sacks O.] Антрополог на Марсе. М.: АСТ, 2011.

Сартр Ж.-П. [Sartre J.P.] Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.

Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: ИП РАН, 2006.

Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012, 5(24), 1. <http://psystudy.ru.0421200116/0037>.

Тхостов А.Ш. Возможности и перспективы развития культурно-исторического подхода в клинической психологии. В кн.: Наследие А.Р.Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте. М.: Факультет психологии Моск. гос. университета, 2012.

Хайдеггер М. [Heidegger M.] Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997.

Eilan N. Joint attention, communication, and mind. In: N. Eilan, C. Hoerl, T. McCormack, J. Roessler (Eds.), Joint attention: Communication and other minds. Oxford, UK: Oxford University press, 2005. pp. 1–33.

Hobson R.P. Autism and development of mind. Trowbridge: Redwood books, 1995.

Hobson R.P. What puts the jointness into joint attention? In: N. Eilan, C. Hoerl, T. McCormack, J. Roessler (Eds.), Joint attention: Communication and other minds. Oxford, UK: Oxford University press, 2005. pp. 185–204.

Leekam S. Why do children with autism have a joint attention impairment? In: N. Eilan, C. Hoerl, T. McCormack, J. Roessler (Eds.), Joint attention: Communication and other minds. Oxford, UK: Oxford University press, 2005. pp. 205–229.

Roessler J. Joint attention and the problem of other minds. In: N. Eilan, C. Hoerl, T. McCormack, J. Roessler (Eds.), Joint attention: Communication and other minds. Oxford, UK: Oxford University press, 2005. pp. 230–259.

Schmid H.B. Plural action: Essays in philosophy and social science. Dordrecht: Springer, 2009.

Примечания

[1] Статья подводит к тому, что на оба вопроса ответы, скорее, утвердительные.

[2] Выготский употребляет оба варианта: интерпсихологическое и интерпсихическое. На мой взгляд, второй вариант точнее.

[3] Существенно, с моей точки зрения, что в этой ситуации мы (возможно, некоторые из нас) осознаем свои действия как сомнительные в этическом смысле. Для сравнения можно модифицировать сартровский пример, представив невысказанную в его времена альтернативу – камеру видеонаблюдения. На мой взгляд, этот «глазок» переведет сознание крадущегося в иное состояние рефлексии, скорее всего не связанное с этическим переживанием.

[4] В статье Тхостова [Тхостов, 2012] справедливо отмечено, что рисуемая в психологии картина онтогенеза в социальной среде чересчур «благостна» и диалог с воспитателем не сводится к дружественным указательным жестам. Сартр, собственно, и разрабатывает недружественные аспекты непосредственного общения, но я пока отложу обсуждение этой темы относительно раннего онтогенеза.

[5] Можно добавить уточнение, которое делает П.Р.Хобсон, подчеркивая, что в более сложных случаях необходимо, чтобы явление воспринималось одинаково: например, если мы глядим на плывущего в волнах человека и я думаю, что он плывет, а вы видите, что он тонет, это не есть ситуация совместного внимания. Точнее, если вы крикнете мне: смотри, он ведь тонет, и я увижу ситуацию по-новому, то «совместность» нашего внимания, несомненно, возрастет. Однако в ситуациях обучения и развития на стороне обучаемого, разумеется, нет той полноты понимания предмета общего внимания, которое ему передает учитель-воспитатель.

[6] Здесь необходимо сделать одно не очень удобное уточнение. Дело в том, что эта гипотеза не

является в попперовском смысле научной – она не может быть эмпирически фальсифицированной. Таким образом, не вполне корректно говорить и о ее истинности в научном смысле. В этой статье нет возможности, не нарушая целостности изложения, разрабатывать эту тему, но несколько слов сказать все же необходимо. Такого рода гипотезы дают осмысленную картину в отношении становления субъекта, но эта картина относится к некоторому интегральному научно-экзистенциально-ценностному слою человеческой реальности. Само понимание ученым становления субъектности у Другого лежит в области этого же отношения «Я – Другой», что порождает специфические проблемы. В самом деле, откуда мы знаем о наличии неких внутренних состояний у младенца? В принципе неопровержимо предположение о том, что все окружающие нас люди являются роботами. Только наше эмпатическое отношение к окружающим и интерпретация их поведения, опирающаяся на те самые нижележащие уровни нашей собственной субъектности, которые мы исследуем, позволяет, но и заставляет нас принимать эту гипотезу.

[7] Этот термин можно найти в упомянутой статье Е.А.Сергиенко.

[8] Вспомним, что, согласно Поршневу, понимание речи связано с ее суггестивным действием, а мышление связано с контролем суггестии.

[9] В первом случае это утверждение нуждается в некоторых оговорках – требуется сохранность способности расшифровывать значение орудий и культурных предметов при отсутствии способности расшифровывать культурные смыслы, которые не могут быть «выражены» в орудиях: такие как *сочувствие, дружба*. Но именно такие сочетания мы нередко встречаем у аутистов. Например, П.Р.Хобсон описывает одного своего пациента, который при практически нормальной речи не мог понять смысла слова «друг» [Hobson, 1995, p. 5], похожие примеры можно найти в истории интегрировавшейся в мир девушки-аутистки Темпл Грандин, описанной в книге [Сакс, 2011]. Эта история тем замечательнее, что сама Темпл довольно много писала о себе, откровенно признаваясь в подобных своих проблемах.

[10] Я здесь не обсуждаю гуманитарные проблемы вокруг темы аутизма. Можно вести речь и об особых талантах, свойственных некоторым аутистам, и об их праве на развитие, и о многом другом. Разумеется, и нормальность «нормальных» людей вполне можно поставить под вопрос, однако здесь я не буду это делать, поскольку мои цели иные.

[11] Например, можно вызвать резкий, но обычно быстро проходящий испуг резким криком. Я не затрагивал всю сферу непосредственных негативных эмоций, хотя, на мой взгляд, тема эта совершенно незаслуженно обходится в исследованиях ранней интересубъективности.

[12] Хайдеггер, однако, не призывает к самоактуализации и самореализации: его Dasein призвано отказаться от самотождественности, научившись слушать зов заботы. Эта тема требует обстоятельного исследования, которое я надеюсь проделать в будущем.

[13] Противоречие между интенцией говорящего и содержанием сказанного.

Поступила в редакцию 20 июня 2013 г. Дата публикации: 14 октября 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Кричевец Анатолий Николаевич. Доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор, кафедра методологии психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 103009 Москва, Россия.
E-mail: ankrich@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Кричевец А.Н. Пассивность в деятельности. За пределы оксюморона. Психологические исследования, 2013, 6(31), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Кричевец А.Н. Пассивность в деятельности. За пределы оксюморона // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/880-krichevets31.html>

[К началу страницы >>](#)